

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Выпуск 5

Москва
2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(Бел+4Укр)
Б43

Издание основано в 2003 г.

**Главный редактор
член-корреспондент РАН
Б.Н. ФЛОРЯ**

Редколлегия:

М.А. РОБИНСОН (заместитель главного редактора), Е.Ю. БОРИСЕНКО,
Л.Е. ГОРИЗОНТОВ, М.Ю. ДРОНОВ, Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ, С.С. ЛУКАШО-
ВА (секретарь), Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.И. МИРОНЕНКО, К.В. НИКИФОРОВ,
О.А. ОСТАПЧУК

Рецензенты:

доктор исторических наук О.В. Петровская,
О.Б. Неменский

БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА. Вып. 5. Сб. статей /
Б43 Гл. ред. Б.Н. Флоря. — М.: Институт славяноведения РАН, 2015. — 542 с.

ISBN 978-5-7576-0311-7

Очередной том сборника продолжает и развивает сложившиеся традиции издания с характерными для него разнообразием проблематики и полидисциплинарностью. Сборник отражает точки зрения национальных историографий на развитие и взаимодействие восточнославянских культур с раннего Средневековья до наших дней, выдерживая при этом научный характер издания. Большинство статей, обзоров и рецензий пятого выпуска посвящено научно и общественно актуальным и даже острым проблемам истории и культуры Украины и Белоруссии конца XIX — первой половины XX в.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(Бел+4Укр)

© Коллектив авторов, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015

*Константин Васильевич
ИВАНГОРОДСКИЙ*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Этногенез украинцев, так или иначе связанный с историей восточных славян, представляет центральный вопрос национальной украинской историографии. Не является исключением и современный процесс историописания, посвященный анализу этой проблематики. После исчезновения господства коммунистической идеологии в научной мысли и возрождения на территории бывшего Советского Союза национальных историографических школ, согласно меткому наблюдению Г. Касьянова, стал актуальным вопрос определения собственного национального «я» и очерчивания «образа Другого»¹. В пределах «новых» восточнославянских государств такими «другими» в первую очередь оказались именно сообщества восточных славян, в частности, их этническая история.

Отшлифованная схема восточнославянского этногенеза в советские времена оказалась не такой уже и нерушимой, но утверждать, что специалистам сразу удалось решить этот вопрос неангажированно, также не приходится. Кроме того (как выяснилось вскоре), этот вопрос приобрел еще более заметную политизацию и идеологическую окраску, которая, несомненно, лишь препятствует установлению научной истины. Хотя, анализируя современную украинскую историографию этой проблемы, можно отметить и движение в направлении ее объективизации, лишенной предубежденности и телеологических инсинуаций.

Можно согласиться и с В. Рычкой, что ход этногенетических процессов в средневековом славянском мире продолжает оставаться одной из наиболее контroversионных тем для восточноев-

ропейской науки². Об этом же идет речь и во вступительном слове редколлегии «Украинского исторического журнала» к «круглому столу», проведенному в 2001 г., на тему: «Этнические процессы в средневековом славянском мире», кстати, единственном пока что (насколько нам известно) научном мероприятии подобного уровня, в пределах которого обсуждались новейшие подходы к отмеченной проблематике представителями всех современных восточнославянских историографий. Опубликованные в журнале тексты (а также их переиздание в сборнике «Ruthenica» за 2002 г.) засвидетельствовали, с одной стороны, разнообразие взглядов и подходов ученых из Украины, Беларуси и России к характеру, содержанию и сущности этнических процессов на Востоке Европы эпохи средневековья, а с другой — характеризуют состояние и перспективы дальнейшего исследования этой проблематики в упомянутых странах³.

Кроме слабого и нестабильного научного диалога между современными восточнославянскими учеными, в частности в сфере этнической истории, следует отметить, что в настоящее время отсутствует и надлежашая историографическая рефлексия относительно этногенеза восточных славян в современном научном дискурсе, что, конечно, не способствует глубокому осознанию проблем, позитивных достижений, перспектив подобных исследований, их научной, социальной, политической ролей. Хотя в определенной степени историографический анализ проблемы, несомненно, присутствует в разработках украинских историков, посвященных собственно проблеме этнической истории сообществ восточных славян. К ним принадлежат труды таких специалистов, как В. Баран, Л. Зализняк, Д. Козак, С. Макарчук, А. Моця, В. Рычка, А. Толочко, П. Толочко и др. Отдельно стоит выделить историографические исследования Н. Бондаренко⁴ и Н. Юсовой⁵, где в соответствующих главах дан анализ и современных студий славянского этногенеза в целом и концепции древнерусской народности в частности.

Так, можно полностью согласиться с Н. Бондаренко, что современную украинскую историографию следует охарактеризовать «как качественно новый этап в развитии этноисторических исследований в украинской исторической науке»⁶. Трудно не со-

гласиться и с мыслью, что в сфере изучения общеславянской и национальной этноистории украинской наукой накоплен значительный опыт, который может быть с успехом творчески использован также белорусскими и русскими специалистами⁷. В этом контексте достаточно симптоматической следует признать реплику одного из участников научного форума по поводу диалога русской и украинской историографий средневековья: «И давайте вспомним, что у нас есть еще один „претендент на древнерусское наследство” — Беларусь. Давайте иногда заглядывать и туда. Они тоже что-то делают и что-то могли бы сказать. По крайней мере, слушаем и будем знать, что они о нас думают»⁸.

В свою очередь А. и П. Толочко также замечают: «На протяжении длительного времени историки ведут страстные дискуссии относительно права на наследство Киевской Руси. Принадлежит она россиянам или украинцам? При этом нередко забывают, что есть еще и белорусы, которые также имеют непосредственную причастность к этому наследству»⁹. Все это, несомненно, касается и «этнического» наследства, споры вокруг которого в имперские времена породили концепт «общерусской», а в советские времена — «древнерусской» народностей, о чем речь подробнее будет идти ниже.

Характеризуя украинскую историографию этногенеза восточных славян 1990-х годов, Н. Бондаренко выделяет четыре основных тенденции ее развития. Первая, представленная «пределами академической науки», хранит преемственность с разработками предыдущих десятилетий. С другой стороны, некоторая часть «историко-археологического содружества» пробовала «пропагандировать псевдонаучные взгляды, которые начали удревнять до абсурда и мифологизировать происхождение украинского народа». В конечном итоге, в противовес и «осторожному консерватизму академической элиты», и «некомпетентности националистически настроенных фальсификаторов» в Украине сложилось направление этноисторических и связанных с ними исследований, которое ориентировалось на нормы современной европейской науки (Я. Грицак, А. Толочко, Н. Яковенко). К сожалению, «целостной концепции украинского, а тем более древнерусского и славянского этногенеза они не создали». Еще одним отдельным направ-

лением, по мнению Н. Бондаренко, которое сформировалось в условиях независимой Украины под воздействием англо-американской традиции, стали исследования, «ориентированные на осмысление прошлого и современности Украины в глобально-цивилизационном контексте» (Ю. Павленко, А. Реент, В. Ткаченко)¹⁰.

Следующее десятилетие, на наш взгляд, не выявило особенного развития цивилизационно-глобалистской теории относительно исследования этнической истории восточных славян, следовательно, не совсем уместным является его выделение в отдельное направление современной украинской историографии отмеченной проблематики. В то же время нельзя не согласиться с тем, что историографическая преемственность при творческом переосмыслении отечественного наследия и достижений современной западной науки может быть залогом будущих достижений украинской этноисторической науки.

Если начинать современный этап украинской историографии с 1991 г., то, по мнению Н. Бондаренко, первым трудом, посвященным проблеме формирования украинской нации, следует назвать изданную в том же году книгу В. Смолия и А. Гуржия¹¹, которая «выдержана в традиционном для украинской историографии советском ключе» и достаточно последовательно развивает подходы, заложенные трудами К. Гуслистого, В. Голобуцкого и Е. Апанович¹². А. и П. Толочко утверждают, что для украинской историографии 1990-х годов характерно наследование «практически всех традиций исторического мнения дооктябрьского периода». Причем «речь идет не только об альтернативности выводов ученых относительно проблемы этнического развития Киевской Руси, но и о системе аргументации», которая базируется «на эмоциональном восприятии явлений истории, априорной убежденности в неизменной этнической ситуации от средневековья до наших дней или даже просто на политических убеждениях»¹³. На этой специфике современной украинской историографии останавливается и А. Моця: «Между концепциями существует определенное подобие: и при утверждении наличия древнерусской народности, и о появлении отдельных восточнославянских народов эти этнические структуры рассматриваются как что-то стабильное и неизменное в своем развитии»¹⁴.

Не менее проблемной тенденцией, «своеобразным „каменем преткновения”» (В. Рычка) для современной украинской (но не только для нее) историографии является «древнерусская народность». Спектр взглядов в этом ракурсе распространяется от полного невосприятия собственно концепта «древнерусская народность» — до осторожных суждений о незавершенности формирования древнерусской этнокультурной общности и ее невыразительности. Даже апологет концепции существования древнерусской народности среди нынешних украинских историков П. Толочко вынужден признать: «Мы разные сегодня потому, что разными были всегда, в том числе и во времена Киевской Руси. В наибольшей степени эта тенденция характеризует новейшую украинскую историографию, но заметна также в русской и белорусской»¹⁵. Ученый вынужден также констатировать и разные задачи в изучении этнической истории восточнославянских сообществ, которые ставят перед собой сегодня украинские, белорусские и российские историки, усомнившиеся в историчности древнерусской народности.

Анализируя современную украинскую историографию проблемы, исследователи вполне правильно критикуют и взгляды коллег относительно «позднего» этногенеза, в частности украинцев. Так, например, С. Макаручук замечает: «Некоторые из современных украинских историков идут еще дальше, утверждая, что [лишь] в XV в. „из аморфной Руси” начал вычленяться „украинский народ” (речь о Н. Яковенко. — *К. И.*)... При этом [исследователи] допускают серьезную методологическую ошибку. Они будто хотят обосновать одними и теми же историческими фактами как процессы формирования политической мысли и политических структур, так и этническое развитие народа»¹⁶. То есть, речь идет о фактически ошибочном отождествлении этногенеза и политических процессов, которые практически никогда не совпадают в исторической реальности.

На этом фоне прослеживается и тенденция роста роли этноцентризма для современных восточнославянских историографий, в том числе и украинской. Исследуя это обстоятельство, Ю. Павленко пришел к заключению, что именно с отказом от системы советского истмата философско-историческое понимание дви-

жения человечества в нашем обществе в начале 1990-х годов испытало определенную полусознательную редукцию на уровне рассмотрения всей истории как этнической. Под воздействием политических страстей распространилось представление о том, что содержанием исторического процесса является именно этнический процесс: утверждения наций и их государственное конституирование¹⁷. Невзирая на неоспоримую важность такого рода исследований, подобное «политизирование» собственно этнической истории ощутимо вредит объективному поиску истины.

То же самое, по нашему убеждению, можно сказать и относительно исключительной «археологизации» проблемы этногенеза восточных славян, что стало заметно в последнее время, в частности и в украинской исторической науке. В целом сегодня четко выделились три основных направления поиска источников раннеславянской культуры. По мнению Д. Козака, можно говорить о трех научных школах: краковской, московской и киевской, каждая из которых «эксплуатирует определенную идею»¹⁸. Создав мощную источниковую базу раннеславянской археологии, согласно утверждению Л. Зализняка, представители киевской школы стали генераторами многих современных идей относительно происхождения и ранних этапов развития славянства¹⁹. Вместе с тем, некоторые положения этой школы подвергаются критике, например, тот же Л. Зализняк полемизирует с Р. Терпиловским касательно начала этногенеза украинцев²⁰.

Вышеупомянутый исследователь дискутирует и с другими современными учеными, которые касаются проблемы этногенеза восточных славян. Так, достаточно справедливо Л. Зализняк критикует труд В. Седова «Славяне в раннем средневековье» (1995), в котором известный советский и российский археолог-славист по существу проигнорировал истоки украинского этноса²¹. Не соглашается он и с В. Балужком по поводу того, что конец XII — начало XIII вв. было периодом «завершения формирования единого (украинского. — Л. З.) этноса». Ведь, если украинский народ появился лишь накануне татарского нашествия, то кто населял княжеский Киев и Южную Русь в X—XII вв.? И если в начале XIII в., по мнению В. Балужка, формирование украинцев завершилось, то когда оно началось?²². Особенную остроту в послед-

нее десятилетие приобрела полемика Л. Зализняка с Н. Юсовой по поводу концепции древнерусской народности, прерванная, к величайшему сожалению, из-за смерти молодой киевской исследовательницы.

В целом, как можно убедиться, профессиональный анализ современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода является достаточно фрагментарным, кое-где поверхностным и, как правило, беглым, касается преимущественно лишь определенных аспектов отмеченной проблематики. Кроме этого, современным украинским ученым часто не удается избежать чрезмерной эмоциональности в собственных утверждениях относительно наработок коллег. Также необходимо отметить практическую неосведомленность (либо сознательное игнорирование?) в современных наработках в сфере этногенеза восточных славян мнения специалистов из соседних стран и, прежде всего, из восточнославянских. К величайшему сожалению, это часто объясняется ангажированностью и предубежденностью некоторых украинских исследователей.

Все это вынуждает нас детальнее остановиться на определении основных тенденций в современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода, которые, собственно, и представляют цель этой публикации. В качестве объекта исследования выступает новейший историографический процесс на современной Украине, предметом — этническая история восточнославянских сообществ в концепциях современных украинских историков, этнологов, археологов, лингвистов, антропологов.

Прежде всего, анализируя современную украинскую историографию по указанной проблематике, необходимо отметить тенденцию к ее политизации и идеологизации. Правда, нельзя не признать, что упомянутая традиция имеет достаточно давние корни, начиная еще с дискуссий вокруг так называемой «норманнской теории» в середине XVIII в. Ошибочно будет утверждать, что эта проблема свойственна лишь современной украинской историографии. Не меньший политический градус вокруг этого наблюдается и в среде российского научного истеблишмента²³. Некоторые белорусские историки также демонстрируют тенден-

ции к подобному «сепаратизму», но пока что «официальная» историография не способствует им.

Не в последнюю очередь такая ситуация связана с отказом от односторонней методологической трактовки проблемы этногенеза восточных славян. Ведь, кроме формирования неизвестных ранее исследовательских перспектив, появилась и определенная теоретическая растерянность части ученых, которые разработали собственные практики в советское время. Определенным выходом из этой ситуации, как считает, например Н. Бондаренко, стало «стремление идеологизировать науку уже в новом, националистическом ключе»²⁴. Причем, по убеждению А. Толочко, «лишь в нашем (т. е. украинском. — *К. И.*) случае идеологи предыдущего нарратива оказались самыми успешными практикантами национальной истории»²⁵.

Вместе с тем, процесс «национализации» истории означал не только поиск и кристаллизацию собственной идентичности, но и идентификацию тех, кто должен был быть выведен за рамки «своего» сообщества. Вследствие этого, как справедливо замечает Г. Касьянов, этнические и культурные индикаторы вполне естественно служили средством «іншування» («отбрасывания чужих») как для профессиональных историков, так и для политиков и идеологов. Формирование же образа этнического Другого стало неотъемлемой частью и культурной, и политической мобилизации, реализации политики памяти в новоявленных государствах. К тому же значительная часть профессионального исторического сообщества стала в этом смысле не только исполнителем соответствующего «государственного заказа», но и существенным фактором влияния на формирование этого заказа²⁶. Следовательно, этническая история восточных славян и в дальнейшем оставалась больше идеологическим творением, обернутым в формулу научного знания, чем последним.

Сетуют в первую очередь на чрезмерную политизированность истории этнического развития Киевской Руси. Согласно наблюдению П. Толочко, эта сложная сама по себе тема часто становилась объектом политических и националистических спекуляций, с попытками утвердить постулат неизменности этнической ситуации от раннего средневековья до наших дней. Интерполяция же

современной этнополитической ситуации на далекое прошлое, по мнению украинского академика, приводит к тому, что «украинский» Киев и Киевскую Русь противопоставляют «русскому» Владимиру и Северо-Восточной Руси или «белорусскому» Полоцку²⁷. Свое разрушительное влияние на объективное освещение этнической истории восточных славян, таким образом, политическая конъюнктура имеет донныне.

Кроме этого, чрезмерная пафосность или проповедь исключительности (мессианства) украинцев, что также нередко встречается в последнее время в литературе, наносит профессиональным поискам истины не меньший вред. Подобные публикации не только вводят и ученых, и общество в заблуждение, но и предрасполагают скептическое отношение к украинской исторической науке. Впрочем, следует согласиться с В. Бараном и Я. Бараном, что, с другой стороны, кое-где «нас пытаются привязать, буквально привить к другим соседним народам, убедить нас и мировую общественность в том, что мы их меньшая или младшая часть, отказывая украинскому народу в самобытности его этнического и исторического развития»²⁸. Следовательно, проблема ангажированности украинской национальной историографии не является исключительно «внутренней», а во многом предопределена и этноисториографическими стереотипами соседних историографий. Учитывая это, преодоление политизированности, в частности этнической истории восточных славян, возможно лишь благодаря толерантному, непредвзятому и профессиональному диалогу между представителями всех современных восточнославянских историографий и не только их.

Очерченная выше ситуация с идеологическим плюрализмом, который кардинально изменил украинскую историографию за последние десятилетия, вызвала к жизни и новые тенденции в сфере исследования этногенеза восточных славян домонгольской эпохи. Правда, не все из них адекватно подходят к научному предмету своих исследований. С точки зрения В. Рычки, из-за потрясений начала 1990-х годов «стараниями профессиональных патриотов и вчерашних компартийных пропагандистов» было создано много «околонаучных трудов, призванных удревить и, так сказать, улучшить украинскую историю». По-

добными попытками «исправить» украинскую историю этот исследователь объясняет и «всплеск мифомании в постсоветском историографическом пространстве, которой Европа переболела еще в конце XVIII — начале XX вв.»²⁹.

В принципе, как замечает Л. Зашкильняк, вся историография мифологична, ведь на определенный период времени отображает лишь культурное состояние, взгляды, традиции, присутствующие на этот момент в определенном сообществе³⁰. Однако, к сожалению, в современной украинской историографии наблюдается тенденция не к созданию национального мифа посредством профессионального историописания, а к обычному придумыванию исторического прошлого, где достаточно часто этногенез и украинцев, и остальных славян начинается едва ли не с палеолита.

Нередко такие пафосные версии этногенеза восточнославянских сообществ связаны с определенным желанием возродить языческие культы, и содержат, как правило, откровенно негативный стереотип соседних этносов. По мнению Н. Бондаренко, такой мифологизацией этнической истории восточнославянских народов занимаются, прежде всего, их собственные представители — главным образом, «интеллектуальные маргиналы, которые не имеют профессиональных знаний как о теории этноса вообще, так и, в частности, о собственно этнической истории Евразии»³¹. Конечно, подобные «концепции» поддаются конструктивной критике со стороны современных ученых, но их авторы в погоне за «научной сенсацией» ничего не хотят слышать и если вступают в дискуссию — оперируют не фактами, а вымышленными (или сфальсифицированными) источниками (например, так называемой «Велесовой книгой»).

В некоторых монографиях, которые предлагают «новую концепцию» этногенеза восточных славян, их авторы, ссылаясь на отсутствие источников, руководствуются лишь собственными рассуждениями и желаниями. Например, в труде В. Склярченко посредством «историко-этимологического исследования» установлено, что варяги были славянами и назывались «рутенами». Причем последние были потомками и кельтского племени, которое «участвовало в этническом формировании славян острова Рюген», где проживали варяги-руги, которые и трансформирова-

ли это название в «русы». Однако «кроме варягов-русов (славян острова Рюген), к которым Новгород обратился за помощью в IX—X вв., по свидетельству византийских и восточных источников (правда, автор не называет каких именно. — *К. И.*), существовали также азовско-черноморские русы, тесно связанные с антами». Далее оказывается, что и последние приобрели имя «русы» благодаря кельтскому племени *rutheni*, а их потомками были запорожские казаки³². Опровержение таких «историко-этимологических» инсинуаций займет слишком много места, но вряд ли исследователь объяснит, почему при таком широком (и на севере, и на юге Восточной Европы) доминировании кельты не ассимилировали русов и антов, как и то, почему такое «значительное» этническое сообщество, как кельты-рутены, не известны ни одному тогдашнему автору.

Альтернативный, но более взвешенный взгляд на «русов» предлагает Ю. Павленко. Последний считает их потомками этнокультурного симбиоза славян и сарматов (роксоланов, россомонов), которые вскоре (от середины I тыс. н. э.) вошли в славянскую конфедерацию антов-полян. Именно в третьем разделе своего труда «Предыстория древних Русов» Ю. Павленко, в контексте органичной взаимосвязи с мировым историческим процессом эпохи поздней античности и раннего средневековья, пытается реконструировать историю древних славян Среднего Поднепровья. Основное внимание исследователь уделит истории полянского (антского) этнополитического объединения и выделения из его среды социального организма древних русов (росов, «народа рос»). Именно вокруг них происходит консолидация киевских полян после аварского погрома и именно эта новая предгосударственная структура славян Поднепровья получает название «Руская земля» (тут и далее прилагательные «руская», «русский» мы пишем с одним «с», как производные от слова «Русь», а не «Россия»), трансформируясь вскоре в Киевскую Русь³³.

Вместе с тем исследователь избегает версий скандинавского происхождения термина «русы» (русь). Во вступлении Ю. Павленко по этому поводу замечает, что целью его исследования является предыстория древних русов (росов), а поскольку соответствующий этноним фиксируется в письменных источниках,

начиная с VI в., постольку события более позднего времени, в частности проблема роли варягов в ранней истории Киевской Руси, выходит за пределы предлагаемой темы³⁴. В свою очередь, С. Макаручук поддерживает позицию, что имени «русь» варяги на украинские земли не приносили, а «это имя и страны, и народа существовало задолго, возможно, за 1000 лет до появления на пространстве Поднепровья северных норманнов»³⁵. В целом приходится констатировать, что в украинской историографии до сих пор непопулярной остается «норманнская теория», которая, напротив, получила сегодня заметное возрождение в историографии российской.

Анализ современной украинской историографии этнической истории восточных славян убеждает нас также в том, что одной из наибольших проблем в этой сфере остается чрезвычайно ее низкий теоретико-методологический уровень. При этом, к большому сожалению, наблюдается стойкое нежелание анализировать теоретические аспекты этноисторических исследований, что, с одной стороны, создает ощутимую терминологическую путаницу, а с другой — непонимание закономерностей развития человеческих сообществ, как и их таксономической поливариантности. Однако есть надежда на качественные сдвиги и в этом сегменте: определенная часть современных украинских ученых осознает необходимость теоретико-методологических исследований, но нередко ограничиваются лишь общей констатацией проблемы, не предлагая в итоге каких-то более-менее конкретных направлений ее решения.

Кроме этого, можно также согласиться с замечанием А. Моци, что в восточнославянской историографии средневековых этнических процессов «зафиксировано значительное количество теорий, в которых (мягко говоря) присутствует недостаточное количество фактов для их подтверждения»³⁶. Для постсоветского положения украинской (но не только ее) исторической науки в целом характерно снижение внимания к методологическим основам. Раньше они искусственно стимулировались идеологией, а сегодня (очевидно, подсознательно) многими используются без критического переосмысления, что эпистемологически является крайне опасным явлением, особенно в условиях современного

постмодернистского дискурса, с его признанием относительности вообще любого знания и, прежде всего, этнологического, с претензиями последнего на универсалистские категории в реконструировании прошлого.

Все это в полной мере касается и реконструкции этнической истории восточных славян, с ее немногочисленными письменными источниками и проблемой этнической принадлежности археологических культур. Установить последнюю (о чем речь дальше будет идти подробнее), как справедливо констатирует В. Баран, «очень трудно и почти невозможно», в результате чего, «исследователи славянского этногенеза результаты своих разработок излагают преимущественно в виде предположений и гипотез»³⁷. Следовательно, по мнению В. Рычки, «приходится ошупью, да еще и с помощью несовершенного методологического инструментария, искать исторические корни украинского этноса в широкой тысячелетней исторической ретроспективе»³⁸. В свою очередь и Н. Бондаренко считает, что именно отсутствие теоретической определенности относительно периода становления и развития восточнославянских этнических сообществ не позволяет создать убедительную картину, в частности, этнической истории Украины³⁹.

Одновременно эту исследовательницу удивляет и то обстоятельство, что после издания в 1991 г. труда В. Смолия и А. Гуржия (смотри об этом выше) «из стен Института истории Украины НАН Украины за следующие полтора десятилетия так и не вышла качественно новая, лишенная „родимых пятен“ истмата, последовательная и теоретически обоснованная концепция происхождения украинского народа»⁴⁰. Такой попыткой, в известной степени, стала коллективная монография «Этническая история Древней Украины», изданная сотрудниками Института археологии НАН Украины в 2000 г. Ее авторы пытались воссоздать по имеющимся археологическим данным ход этноисторических процессов с самых древних времен до эпохи Средневековья на землях южной части Восточной Европы⁴¹.

Однако и этот труд вряд ли может убедительно решить отмеченную проблему, и в методологически-теоретическом контексте он далеко не однозначен. К примеру, Ю. Павленко, рецензируя эту монографию, заметил, что, несмотря на важность исследова-

ния локальных археологических культур, без общеконцептуального подхода к проблеме славянского этногенеза, ее в принципе невозможно разрешить⁴². При этом исследователь справедливо утверждает, что научная разработка концепции места Украины в истории с точки зрения философско-исторического понимания этнического процесса кажется крайне важной. В конечном итоге, он также вынужден констатировать, что «до сих пор отсутствует обобщающая концепция украинского этногенеза, созданию которой препятствует нехватка соответствующих теоретико-методологических разработок»⁴³.

В целом можно отметить, что Ю. Павленко чуть ли не единственный современный украинский ученый, который действительно пытается исследовать этногенез восточных славян с теоретико-методологических позиций. По мнению Н. Бондаренко, его подход к проблемам этноисторического процесса и его реализации на территории Украины отличается тремя чертами, не свойственными в целом современной украинской историографии. Во-первых, это сознательная опора на этнотеоретические разработки ученых 1950–1980-х годов, прежде всего В. Генинга, Ю. Бромлея и Л. Гумилева. Во-вторых, рассмотрение этноисторического процесса в Восточной Европе во всемирно-историческом, цивилизационном контексте. В-третьих, стремление охватить весь этноисторический процесс на территории Украины в целом с самых давних времен до современности⁴⁴.

Исследование социокультурного процесса под этнонациональным углом зрения, согласно самого Ю. Павленко, предусматривает наличие глубоко разработанной этнической теории. Этого, к сожалению, — констатирует ученый, — сегодня мы также не имеем. Более того, те продуктивные наработки, которые появились в советское время в этой отрасли, сегодня почти не используются, а между тем никакой теории этноса и этнического развития человечества из-за границы к нам не пришло, ее там просто не существует. Следовательно, разрабатывать эти вопросы нам надо самостоятельно, на фоне наработок предыдущих десятилетий⁴⁵. Полностью солидаризируясь с предлагаемым мнением, можем также заметить, что, невзирая на отсутствие в западной этнологической науке теории этноса, игнорировать ее советские

достижения никоим образом нельзя. Ведь игнорируя советские концепции (якобы они настолько ангажированы, что вовсе не отображают действительность), украинская историческая наука по существу обрекает себя на теоретический вакуум, в том числе и в сфере реконструкции этногенеза восточных славян.

Следом за другими современными исследователями необходимо констатировать и чрезвычайно упрямое игнорирование новых подходов в этноисторической сфере со стороны большинства современных украинских (но не только) историков. С другой стороны, обращение к наработкам западной науки имеет, как правило, ограниченный характер, без каких бы то ни было попыток их сопоставления с отечественными подходами и обратной критики. Характерным примером может быть монография Н. Юсовой, посвященная историографическому анализу концепции древнерусской народности⁴⁶. В ней исследовательница вспоминает лишь одного (!) западного специалиста «по образованию этносов и наций» — Э. Смита, которому, по существу, отведена роль репрезентанта всей современной западной этнологии, что, конечно, в любом случае несправедливо и не отвечает реальному положению дел.

Закономерным результатом слабой теоретически-методологической основы современных этноисторических исследований является и неопределенность в соответствующей понятийной оснащенности таких студий, которая предопределяет, согласно высказыванию Т. Поповой, «смешивание понятий»⁴⁷. В этом плане характерно следующее утверждение: «Летописные сообщения о восточнославянских племенах X в. удостоверяют важные *этнические изменения* (здесь и дальше курсив наш. — К.И.), которые произошли в их среде одновременно с процессами *политической консолидации*. К. Маркс писал, что „нация” возникает только тогда, когда племена, объединенные одним управлением, сливаются в единый народ. Термин „нация” употреблен здесь в значении „народность”. Следовательно, речь идет, по существу, об образовании *политической народности*»⁴⁸.

Зададимся, как предлагает В. Рычка, вслед за Э. Кинаном, отнюдь не риторическим вопросом: «Как можно обсуждать вопрос „нации” и „этничности” на примере домодерного общества,

где первый вопрос почти ничего не означал»?⁴⁹ То же, очевидно, касается и термина «народность», если он в выше цитируемом утверждении употреблен вместо понятия «нация». Если же речь идет об образовании «политической народности», то теряется этнологическая сущность последнего термина, а следовательно, констатация «этнических изменений» в среде восточнославянских племен не доказывает ничего, поскольку в этнологии давно известно, что этническая и политическая сферы, хотя и взаимосвязаны, но вовсе не тождественны и не являются взаимоопределяющими. В то же время мы можем лишь догадываться, что собственно имели в виду историки под терминами «этнические изменения», «нация», «народность», «политическая народность» или же «этнические процессы на Руси», которые, по мнению А. и П. Толочко, «источники позволяют воссоздать достаточно реалистично»⁵⁰? В целом мы вынуждены констатировать, что, к сожалению, практически все исследователи этнической истории восточных славян вовсе не пытаются конкретизировать, что они имеют в виду под тем или другим примененным понятием и насколько корректным является его употребление.

Подобная терминологическая неопределенность не позволяет исследователям провести и четкую границу собственно между этническим и социальным, как и выяснить теоретическую особенность их симбиоза — этносоциальную специфику сообществ людей. Поэтому и сегодня можно натолкнуться на не совсем корректные утверждения, например, что «этнос — это не биологическая, но прежде всего социальная категория»⁵¹ (ведь в такой интерпретации этнос — это исключительно этническая категория, которая включает и биологические, и социальные компоненты). Поэтому не приходится удивляться, что, в конечном итоге, исследователь приходит к отождествлению с этносом такой сугубо политической категории, как государство: «Если понимать народность как социальный или социокультурный организм, вывод о решающей роли государства в его складывании не может быть поставлен под сомнение»⁵².

Однако именно в таком отождествлении и заключается основное сомнение, ведь народность представляет собой не сугубо этнический, а этносоциальный организм⁵³, для которого полити-

ческие факторы хотя и являются важными, но далеко не определяющими (средневековые империи (Римская, Франкская, Византийская) как нельзя лучше доказывают этот факт). Поэтому, даже исходя из признания существования древнерусской народности, как можно «политически» объяснить образование украинской и белорусской народностей без существования соответствующих государств, которые должны были бы сыграть «решающую роль» в их «оформлении»?

Кстати, похожая проблема присутствует и в попытках этнической интерпретации так называемых восточнославянских «союзов племен», которые почему-то при молчаливом согласии большинства историков однозначно относятся к категории сообществ этнических, хотя при более внимательном анализе они (как собственно и конструкт «древнерусская народность») таксономически принадлежат к сообществам этнополитического разряда, которые, в отличие от сугубо этнических, никогда не существуют долго, учитывая переменчивую природу самого явления политики. С этой точки зрения стоит согласиться с М. Видейко, что «в древние времена на исторической арене могли выступать, так сказать „сборные команды“, союзы племен с разной материальной культурой и даже языком», а «цель такого объединения — [была] сугубо политическая: общими силами дать отпор более сильному противнику»⁵⁴.

Незнание историков этнотеоретических аспектов предопределяет и другие контрверсионные предположения, например, относительно так называемой «безэтничности» населения, прежде всего Киевской Руси. Так, А. Моця утверждает: «На наш взгляд, для конца I — начала II тыс. н. э. большинство людей в Восточной Европе, в первую очередь крестьяне, было в современном понимании этого термина (к сожалению, исследователь не уточняет, в чем именно заключается это современное понимание. — *К. И.*) безэтничным»⁵⁵. В другом труде он объясняет «безэтничность» населения тем, что в указанный период, вроде бы, «еще нельзя говорить о существовании русской, украинской и белорусской наций или хотя бы народностей»⁵⁶. Однако, кроме того, что и нация, и народность не являются сугубо этническими сообществами, а следовательно, не обязательно должны иметь

общую этничность (скажем, современная американская нация), безэтничность невозможна уже как явление в социальном пространстве, ведь иноэтнические сообщества четко отличают «мы» от «они» (например, византийские источники четко отделяли славян от других сообществ, ведь для них это была другая / отдельная этническая группа).

Критикует предлагаемую концепцию «безэтничности» населения Киевской Руси и Л. Зализняк, определяя основные недостатки «раннесредневековой концепции украиногенеза». Иначе как недоразумением, — замечает он, — утверждение о безэтничности не назовешь, поскольку «отрицать этническое разделение средневековой Европы лишь на основании отсутствия в ней современных наций современного типа нельзя»⁵⁷. В свою очередь, мы не можем согласиться с утверждением этого исследователя, что «этническое разделение человечества — видовой признак *Homo sapiens*»⁵⁸, так как этнос — не биологическая популяция (хотя в этнологии подобные взгляды присутствуют, что, впрочем, составляет совсем иной объект для анализа, здесь не столь важный).

Трудно согласиться и с другими теоретическими «новациями» в сфере исследования этногенеза восточных славян, предлагаемыми тем же Л. Зализняком. Прежде всего, это касается, обозначенных им неких «универсальных законов этнического развития европейских народов», несоответствие которым, согласно рассуждений этого специалиста, представляло главную проблему советской историографической концепции этногенеза восточных славян⁵⁹. Чувствуя, наверное, чрезмерную претенциозность термина и концепта «универсальные законы этнического развития», Л. Зализняк недавно предложил более гибкое понятие (хотя и не менее дискуссионное) — «признанные в Европе этнологические принципы»⁶⁰. Жаль, но исследователь не сообщает, кем эти принципы из европейских ученых предложены (поэтому в статье нет ни одной на это ссылки) и насколько они созвучны украинской этнологии в теоретическом контексте.

Не меньшие теоретические трудности для современных исследователей этнической истории восточных славян домонгольского периода представляют и лингвистические категории, в частности этноязыковая специфика тогдашних сооб-

ществ. Так, например, вполне справедливой является критика Л. Зализняка лингвистических инсинуаций относительно восточных славян известного российского медиевиста В. Седова. Последний убеждает, что «об украинских диалектах в рассматриваемое время (X в.) не может быть и речи»⁶¹, полемизируя при этом с румынским лингвистом Э. Претвичем, который доказал украинские влияния на румынский и молдавский языки на протяжении X — XI вв. По мнению же В. Седова, это объясняется влиянием языка антов. В свою очередь Л. Зализняк подытоживает: «Категорическим отказом украинцам в их существовании в X в. (в отличие от поляков, чехов, сербов, хорватов, румын) классик российской медиевистики сам того не желая опустил корни украинского этноса в V в., признав наличие украиноязычной специфики в языке антов»⁶².

Лингвистический контекст, таким образом, также существенно расширяет теоретические возможности выяснения этногенеза восточных славян. Современный украинский филолог Г. Пивторак пришел к следующему заключению: «Поскольку большинство украинской этноязыковой территории совпадает с восточным ареалом славянской прародины, вполне естественно, что украинцы унаследовали материальную и духовную культуру своих предков-праславян этого региона, а украинский язык перенял от праславянского значительный специфический лексический фонд и немало фонетических и грамматических черт, которые в других славянских языках заменились новыми, а у нас (украинцев. — К. И.) они составили самую древнюю группу языковых особенностей»⁶³.

Логично констатируя целесообразность переосмысления теоретически-методологического базиса реконструкции этнической истории восточных славян, в первую очередь в контексте «обветшалости доктрины о древнерусской народности», Г. Пивторак (как и немало его коллег) справедливо замечает, что «в настоящее время явно нуждаются в уточнении и сами понятия этнос, народ, народность, нация»⁶⁴. Однако дальше констатации такой необходимости (как и немало его коллег) исследователь не идет, отмечая: «Но мы пока что абстрагируемся от этой неуместности»⁶⁵. При этом немало удивляет, почему важные этнологические кате-

гории ученый именуется «неуместностями», а тем более непонятно, как можно исследовать этноисторические процессы, абстрагировавшись от теоретической и понятийной базы?

Фактически это лишний раз подчеркивает и некоторую боязнь этнотеоретических вопросов со стороны современных исследователей (а отсюда и дистанционирование от их основательного выяснения), и теоретически-методологическую халатность, predeterminedную не стремлением поиска истины, а желанием лишь декларировать свои предположения, и элементарное отсутствие междисциплинарного диалога, в результате которого специалисты-историки не знают (или же и не хотят узнать), что предлагают специалисты этнологи (не путать с этнографами), лингвисты и даже археологи (и наоборот). Все это, понятно, не улучшает уровня современной украинской историографии, в том числе и этнической истории восточных славян домонгольского периода, чем пользуются и историки-шарлатаны, и представители соседних восточнославянских историографий, объявляя украинскую историческую науку ангажированной, политизированной, а следовательно — несостоятельной в решении таких вопросов, что, естественно, совершенно несправедливо и не отвечает действительности.

Проблемы теоретического характера свойственны и современному уровню археологических исследований славистики. Хотя необходимо подчеркнуть, что сегодня это направление в украинской историографии проблемы стало во многом определяющим, благодаря исчезновению идеологического контроля и существенному расширению количества восточнославянских древностей. Современная археология сумела предложить достаточно адекватные версии того, где и как жили восточные славяне в догосударственный период. Так, иногда элементарное картографирование находок, согласно наблюдениям М. Видейко, или установления их точного датирования вносит серьезные коррективы в построения историков⁶⁶.

По мнению не менее известного современного украинского археолога Д. Козака, этногенез славянских народов вообще является «глобальной проблемой археологической науки»⁶⁷. Исследователь также отмечает, что, благодаря значительному пополнению

источниковой базы новыми материалами, в основном археологическими, в последние десятилетия сократился спектр взглядов на проблему происхождения славян. Более того, даже наблюдается сближение позиций исследователей⁶⁸. Зато Р. Терпиловский, в свою очередь, отмечая, что «приоритет в изучении проблемы этногенеза славян принадлежит именно археологии, которая стремительно расширяет круг своих источников, опережая языковедение и историю», все же менее оптимистично трактует, обозначенное его коллегой, «сближение» взглядов. Он вынужден констатировать, что, «невзирая на тенденцию к сближению взглядов археологов-славистов разных школ, обусловленную расширением источниковой базы и усовершенствованием методик исследования, до единодушия в этом вопросе пока что далеко»⁶⁹.

Самым главным фактором этой дифференциации современных археологов является поиск так называемой «прародины славян», дискуссии вокруг которой наблюдаются уже не первый век. Согласно утверждению современного российского историка Ю. Денисова, «поиск прародины славян усложняется еще и тем, что этот процесс не ограничивается лишь борьбой научных идей, а охватывает сферы идеологии и политики»⁷⁰. Поэтому, наверное, и сегодня вопрос, — где появились первые славяне, — остается открытым.

Одну из современных альтернативных версий в выяснении этой проблемы предложил российский археолог В. Седов. Ее суть заключается в том, что прародиной славян, которые пришли в северо-восточные «русские» земли, был Север Польши и Германии⁷¹. Вместо этого, украинский этнолог С. Макарчук, анализируя предложенный подход, констатирует следующее его красноречивое противоречие: «Если эта версия известного авторитета российской археологии и науки этногенеза славян не является ошибочной, то она уж очень сильно отмечает отличия в этногенезе русских и украинцев. В любом случае ее нелегко принять безоговорочно, потому что она разрушает классический историографический стереотип формирования предков современных русских из славянских мигрантов с территории современной Украины и местного балтского и финского элемента, который проживал на территории современной европейской России»⁷².

Прародина славян является предметом научных поисков и в трудах современных украинских археологов. Так, М. Видейко считает, что именно в начале XXI в., наконец-то, удалось определить местоположение «этой загадочной местности». Ученый убежден, что большая ее часть сегодня находится на территории именно Украины, а при употреблении всех средств для ее поиска, «следы ведут на Днепр, на Волынь, а также на Юг Беларуси и в восточные районы Польши»⁷³. Кроме этого, он призывает коллег объединить усилия для выяснения этого вопроса, привлекая к ее изучению генетиков, историков, лингвистов, то есть всех, «кто может помочь в поисках неуловимой прародины славян».

Эффективность подобного сотрудничества, по мнению М. Видейко, доказывают, в частности, недавно проведенные исследования генетического родства славян. Сопоставление результатов показало тесное родство украинцев как с восточными, так и западными славянами, которые являются дополнительным свидетельством в пользу Днепровской «прародины». К тому же именно со Средним Поднепровьем связаны первичные носители гаплогруппы *R1a*, общей для всех славян. Вместе с тем, по мнению исследователей из России и Беларуси, именно «белорусская популяция» находится ближе всего к «славянскому пра-этносу». Аргумент — проведенное ими исследование генофонда русских, украинцев и белорусов засвидетельствовало, что последние имеют все специфические особенности первых двух популяций. То есть, территорию Беларуси также следует включать в «прародину», из которой выдвигались разные славянские этнические группы⁷⁴.

Дискуссионным остается и вопрос об общем этногенезе славян. С точки зрения Р. Терпиловского, слияние воедино культурно-бытового комплекса (что охватывает формирование достаточно близких славянских археологических культур, единство социально-экономической структуры их носителей, единство идеологических представлений, проявляющееся в существовании нескольких основных вариантов захоронений с кремацией), общность языка, зафиксированного древними авторами и реконструированного современными лингвистами, а главное — рост самосознания, отображенный в широком использовании самоназвания «славяне», позволяет говорить о завершении про-

цесса общеславянского этногенеза в середине I тыс. н. э. Дальше речь может идти уже об этнической истории славян и одновременно об этногенезе украинцев, русских, белорусов и других современных славянских народов⁷⁵.

Перспективным, хотя пока сравнительно слабо разработанным можно считать тезис, согласно которому, славяне от начала существования никогда не представляли единого (монолитного) этнического сообщества, то есть были, скорее всего, этносоциальным организмом, который включал значительный конгломерат разнообразных этносов, несомненно родственных. Среди современных украинских ученых подобную позицию демонстрирует В. Баран: «Изучая исторические истоки украинского народа как части славянского мира, мы выходим из того, что славяне никогда не были одной этнической общностью. Они уже с самого начала в самые отдаленные эпохи выступали как отдельные, хотя и родственные праславянские и славянские большие или меньшие этноязыковые группы (объединения родов, племена, союзы племен)»⁷⁶. В другой монографии археолог уточняет: «Лингвистические, исторические, археологические материалы убеждают нас в том, что славяне никогда не были единым этническим сообществом. Они, как и народы иранского, фракийского, иллирийского, германского, романского корней, выступали как отдельные этноязыковые группы, объединенные в племена и племенные союзы, которые были этносоциальными единицами»⁷⁷.

Не менее сложна — и теоретически, и практически — попытка идентификации и соотнесенности любой археологической культуры с определенной этничностью. В полной мере это касается и проблемы этногенеза восточных славян, ведь, как отмечает тот же В. Баран, «установить этническую принадлежность археологических культур глубокой древности без ретроспективной их привязки к более поздним этнически определенным древностям и сопоставлении с данными письменных источников и результатами исследований других наук (лингвистики, антропологии) очень трудно и почти невозможно»⁷⁸. Вследствие этого, как нами уже отмечалось выше, почти все исследования в этой сфере представлены, как правило, предположениями, которые фактически не поддаются верификации.

Нетождественность археологической культуры этническому сообществу порождает и разные трактовки в профессиональной литературе конкретной принадлежности тех или иных древностей славянам. Например, Д. Козак не разделяет «малообоснованные утверждения В. Седова и В. Барана о существовании „славянских” локальных вариантов в черняховской культуре», так как «все черняховские археологические памятники, — по его мнению, — являются скифо-сарматскими, германскими или такими, этнический признак которых не установлен»⁷⁹. Относительно восточных славян археолог отмечает: «Известно три разновидности археологической культуры славян, которые принадлежали разным веткам восточного славянства: пражско-корчацкая, пеньковская и колочинская. Первая принадлежала историческим славянам, вторая — антам, а третья продолжила традиции киевской культуры... До конца VII в. культурные особенности этих групп нивелируются и на пространствах от Вислы до Днепра формируется единая восточнославянская культурно-историческая общность — культура Луки-Райковецкой»⁸⁰.

Дулэбов, антов и склавинов отождествляет с археологическими культурами пражской и пеньковской соответственно и Л. Зализняк. На протяжении V — VII вв., по его мнению, эти культуры «трансформировались в праукраинские летописные племена Вольни, древлян, полян, белых хорватов, уличей, тиверцев, которые составили Лука-Райковецкую культуру», которая «была непосредственной генетической почвой Южной Руси». Именно этот «средневековый этнос, — продолжает ученый, — создал государство Русь, которая быстро трансформировалась в ранне-средневековую империю, осуществлявшую в X — XII вв. мощную колонизацию пространств севера Восточной Европы. В результате же колонизации балтских и финских племен «появились молодые балто-русские (белорусы, псково-новгородцы) и фино-русские (россияне) этносы»⁸¹.

Схема этногенеза восточных славян, согласно привязке этнических сообществ к археологическим культурам, раскрывается и в монографии «Исторические истоки украинского народа» В. и Я. Барана. Согласно этим ученым, белорусы происходят от колочинской культуры, русские — от именьковской, поляки — от

дзедзицкой (венеды), украинцы — от пражско-корчацкой (склавины) и пеньковской (анты). В отличие от трех предыдущих, две последние стали субстратами и для таких славянских этносов, как поляки, словаки, моравяне, чехи, сорбы, сербы, болгары, македонцы, хорваты⁸². И если упомянутые исследователи отождествляют венедов с дзедзицкой культурой, которая стала субстратом поляков, то Д. Козак убежден, что племенам венедов соответствует зубрицкая культура, которая принадлежала к древнеславянскому этносу⁸³. В конечном итоге, археолог приходит к мысли, что «этнокультурное развитие венедского общества в течение первой половины I тыс. н. э. завершилось созданием первого в истории восточного славянства протогосударственного образования, известного из письменных источников под названием „дулибы”»⁸⁴.

Нерешенной окончательно остается и проблема археологической «привязки» так называемых «летописных союзов племен» восточных славян, которые были потомками склавинов и антов. Можно согласиться с Г. Пивтораком, что «историки выдумали для них не совсем удачные названия „племена” и „союзы племен”, хотя сами себя они так никогда не называли». Кроме этого, по мнению филолога, есть все основания считать их отдельными этносами⁸⁵. В свою очередь В. Баран в этих «славянских племенных союзах» видит «уже не отдельные племена», а «зарождения основ будущих славянских народностей, в том числе украинской на обоих берегах Днепра Лесостепной Украины»⁸⁶.

Подтверждают разную этническую принадлежность союзов племен и современные антропологические исследования. К примеру, ведущий украинский специалист в этой сфере С. Сегеда утверждает, что «по некоторым основным признакам, в частности черепному показателю и ширине скула, отдельные территориальные группы потомков летописных средневековых восточных славян все же существенно отличались между собой»⁸⁷.

Впрочем, не все историки соглашаются с достаточно искусственным отождествлением восточнославянских союзов племен и археологических культур. А. и П. Толочко по этому поводу резонно замечают: «Нельзя избавиться от впечатления, что исследователи, выделяя в археологическом материале специфически „древлянские” или, скажем, „полянские” черты, руководству-

ются не так археологическими реалиями, как попыткой во что бы то ни стало подтвердить правдивость летописной картины этнографии Восточной Европы. Пример с „неуловимостью” полян побуждает серьезно задуматься как над самой возможностью таких попыток, так и над природой летописных „племен” и принципом построения летописцем в XII в. панорамы восточноевропейской этнографии»⁸⁸. Примечательно, что восточнославянские союзы племен авторы относят к этнографическому уровню, что, с точки зрения П. Толочко⁸⁹, должно подтверждать «этническое» единство древнерусской народности, включающей соответствующие субэтноты, на уровне которых сформировалась этнографическая (?) основа будущих украинской, белорусской и русской народностей.

Со своей стороны, А. Толочко считает, что в определении характера «племен» (то есть, «восточнославянских этнографических групп») существует стойкая традиция трактовать их не только как этнографические группы, но и как этнические и социальные сообщества. Такой «двойной стандарт», по мнению историка, позволяет интегрировать «племена» и в общую схему государственного развития X — XIII вв., и в схему этнического развития Киевской Руси. Главным фактором этнического развития при этом избирается государство: именно с его образованием возникает «плавающий котел», который перетавливает полян, северян, кривичей, словен в киевлян, черниговцев, смолян, новгородцев. С исчезновения государства (после середины XIII в.) начинается обратный процесс распада единой древнерусской народности на ряд этнических сообществ⁹⁰.

Вместо этого, современные украинские археологи если не критикуют, то, по крайней мере, обходят этноисториографический концепт «древнерусская народность», руководствуясь в исследованиях исторических истоков украинцев закономерностями этноисторического процесса. Соответствующая схема сводится к нескольким иерархически-историческим этапам: индоевропейцы, германо-балто-славяне, праславяне, славяне, славянские народы. Из этой цепочки древнерусская народность явно выпадает, поскольку имеет, прежде всего, этнополитическую природу, не тождественную этноисторической стабильности. Например,

известный советский археолог П. Третьяков доказал, что обычай белить мелом стены жилья (признак классических украинских хат) был распространенным уже во II в. н. э. среди населения зарубинецкой культуры.

По мнению же Г. Пивторака, «поскольку зарубинецкая культура была распространена на территории современной Украины, в ее ареале возникали и развивались также локальные этнографические черты, значительная часть которых дошла и до нашего времени и стала самобытными этнокультурными признаками украинской нации»⁹¹. Похожая логика прослеживается и в трудах других украинских исследователей, которые предлагают «историю украинцев как отдельного этноса» начинать от середины I тыс. н. э. Так, украинский этнолог С. Макаручук убеждает, что «украинский этнос как южные русы восточнославянского пространства стал выделяться из общеславянской общности от середины I тыс. н. э., тогда же, когда на фоне славянского массива начали выделяться чехи, болгары, ляхи и другие этносы»⁹².

Фактически подобный подход основывается на концепции, предложенной еще в начале XX в. М. Грушевским. При этом не совсем корректными выглядят «обвинения» в адрес современных украинских ученых, которые объективно приходят к похожим выводам, в слепом желании как угодно подтвердить этот взгляд на восточнославянский (и украинский в частности) этногенез (кстати, многие современные белорусские исследователи также «начинают» истоки этноса белорусов от этого же рубежа, но своего М. Грушевского они не имеют). Справедливой в этом контексте можно признать аргументацию В. Барана: «Наше задание сегодня заключается в том, чтобы на основе археологических источников очертить регионы становления и кристаллизации славянских раннесредневековых культур, которые отвечают склавинам и антам, и путем ретроспективы раскрыть их истоки». В конечном итоге, ученый приходит к заключению, что «интеграция антов и склавинов, их большое расселение и перегруппировка приводит к возникновению, а потом и к отделению той группы восточнославянских племен, которая стала основой образования украинского народа». Следовательно, резюмирует В. Баран, «анты — окраинные, хотя и интегрированные склавинами, оставляют свой

выразительный след в названии „Украина”, которое, просуществовав рядом с официальным книжным названием „Русь”, пережив несколько этапов своего возрождения и упадка, полностью вытесняет его и становится определяющим для отдельного славянского народа»⁹³.

Подтверждением концепции «отдельного» этногенеза восточнославянских сообществ от середины I тыс. является и так называемая «субстратная теория». Причем следует особо отметить, что своими истоками она обязана не мнимому желанию украинских (или белорусских) националистов удревить историю украинцев (белорусов), а результатов советской археологии, прежде всего в лице ее неопровержимого авторитета В. Седова. Последний, традиционно резко критикуя «концепцию Грушевского» (особенно на современном этапе развития восточнославянских историографий соответствующей проблематики), поневоле сам же и подтвердил ее рациональность, несмотря на то, что предметом его исследования был этногенез древнего населения территории Беларуси.

Следовательно, не приходится удивляться, что в современной белорусской историографии этногенеза восточных славян именно «субстратная теория» получила наибольшее развитие. В соответствии с этой теорией особенность формирования белорусского этноса была предопределена тем, что на современной белорусской территории испокон веков проживали не славяне, а балты. Собственно непосредственными предками белорусов были кривичи, дреговичи и радимичи, ставшие результатом симбиоза славян и балтов, что и определило этническую специфику будущих белорусов, хотя и с восточнославянской доминантой. Определенные постулаты этой концепции присутствуют и в современной украинской историографии, хотя, опять же, в большей степени это присуще в первую очередь археологическим студиям, а вот историки пока практически ничего об этом не говорят.

Отмеченная концепция тесным образом связана с процессом так называемого «большого расселения славян» V — VII вв. В результате последнего славяне активно начали осваивать Балканы, Подунавье, Север и Северный Восток Европы. Анализируя это явление, современный украинский археолог В. Баран утверждает

ет: «Большое расселение славян не только зафиксировано письменными источниками, но и фундаментально представлено археологическими памятниками. Оно обусловило их разделение на основные группы, которые в своем дальнейшем развитии *становятся основой формирования современных славянских народов* (курсив наш. — К. И.). Эта историческая закономерность в одинаковой степени относится ко всем славянам — южным, западным и восточным. Интеграция славянских переселенцев с местным населением на новых землях, постепенное поглощение ими чужих субстратов привела к зарождению новых славянских этносов как на Балканах и в Подунавье, так и на Двине, и на Волге»⁹⁴.

В другом исследовании, написанном совместно с Я. Бараном, этот же специалист относительно роли субстратов в восточнославянском этногенезе замечает: «Основное внимание в нашем труде направлено на изучение процессов и причин зарождения славянских народностей в период раннего средневековья. В отличие от украинского народа, давние предки которого занимали коренные славянские земли, ряд других славянских народов, в том числе восточнославянских, занявшие в процессе своего расселения большие территории с чужим (балтским и угро-финским) населением, *испытывали влияние этих субстратов* (курсив наш. — К. И.). Это оказало решающее влияние на формирование их этнического самосознания. Отмеченные факторы не были нивелированы в период киево-русской государственности. Это и стало исторической основой для завершения процессов формирования трех восточнославянских народов»⁹⁵.

Осторожнее к «субстратной теории» подходит еще один видный представитель киевской археологической школы — Р. Терпиловский, отмечая общий характер историко-культурных процессов, которые происходили на территории современной Украины, Беларуси и Юга России во второй половине I тыс. Называя естественным то, что «разнообразные субстраты определяли этнокультурное своеобразие восточнославянских группировок», специалист все таки считает, что «следующие многократные перемещения населения в результате войн, неурожаев, политики тех или других государств не позволяют переоценить роль этих процессов в формировании современных народов»⁹⁶.

Совершенно адекватным, по мнению М. Видейко, выглядит и представление лингвистов относительно балто-славянского языкового единства, в частности, с точки зрения современных генетиков. Ведь славян (за исключением южных) с потомками балтов роднит именно значительное присутствие генома *R1a* (смотри об этом выше). Например, у жителей Литвы он составляет 34 %, а Латвии — даже 41 % (против 50 % в среднем у славян). Следовательно, убеждает археолог, не только язык у нас с балтами был когда-то общим, но и предки⁹⁷. Конечно, новые подходы в исследовании этногенеза восточных славян существенно расширяют исследовательские горизонты, но окончательные выводы, в частности связанные с результатами генетики, делать, на наш взгляд, пока что рано, поскольку биологическая составляющая этнической сферы нуждается еще в глубоком теоретически-методологическом обосновании.

Не менее сложным вопросом для современной украинской историографии остается и этническое развитие восточнославянского населения Киевской Руси. И если еще в конце 1990-х годов А. и П. Толочко убеждали, будто «объективно проблема этнического развития Руси не принадлежит к слишком сложным», поскольку для этого «имеется большой круг источников (письменных и археологических)»⁹⁸, то уже в середине следующего десятилетия П. Толочко, в частности, демонстрирует противоположную позицию: «Исследование этнического развития эпохи Киевской Руси убеждает, что решение этого вопроса усложнено в значительной степени через нечеткость предмета поиска»⁹⁹.

В то же время, проанализировав историографию этой проблемы, в том числе и современную, этот украинский историк обоснованно подчеркивает, что «проблема этнического развития эпохи Киевской Руси как и раньше предопределяет живую заинтересованность среди археологов, историков, этнологов и филологов и, понятно, нуждается дальнейших ее исследованиях»¹⁰⁰. Хотя трудно согласиться с мнением этого специалиста, будто, «исследуя проблему этнического развития периода Киевской Руси, необходимо постоянно иметь во внимании летописные свидетельства, которые *однозначно* (?!; курсив наш. — К. И.) указывают на то, что много чего в ее этнической истории оп-

ределилось еще на догосударственной стадии жизни восточных славян»¹⁰¹. Кроме того, что исследователь сам же критикует «этнографическую карту» предлагаемую летописцем, как уже отмечалось выше, доверять Летописи «однозначно» (к тому же в реконструкции этнических процессов), на наш взгляд, является достаточно дискуссионным принципом.

Относительность летописных свидетельств во многом усложняет интерпретацию этнической истории Киевской Руси, особенно учитывая то обстоятельство, что это восточнославянское государство не было по этнополитической структуре моноэтническим, включая значительный конгломерат неславянских этносов. Хотя, несомненно, «основой образования Киевского государства была южная группа восточнославянских племен — предков украинского народа, социально-экономическое развитие которых было выше, сравнительно с другими восточнославянскими группами»¹⁰². По мнению В. Барана, речь в этом случае должна идти, прежде всего, о полянах, а не о «славянских русах, которые якобы поглотили все восточнославянские племена, упомянутые Летописью, и создали единую восточнославянскую этническую общность». С точки зрения исследователя, название «русь» навязали полянам варяги, утвердившие в Киеве норманнскую династию князей, в результате чего это название распространилось на все население государства. Следовательно, «русь» была не этнонимом, а обозначала «в широком понимании все население Киево-Русского государства от Вислы до Волги»¹⁰³.

Приблизительно столетнее существование Киевской Руси с центральным великокняжеским управлением фактически нарушило естественный характер этнокультурных процессов, которые определились в результате расселения славян в V–VIII вв. Государственная структура на некоторое время достигла относительной политической и экономической стабильности. По этому поводу В. Баран замечает: «К сожалению, в литературе эту государственно-политическую ситуацию нередко трактуют как этническое единство, которое ведет к образованию древнерусской народности. Но это только подмена понятий, которая не отображает объективных реалий. За сто лет на огромных пространствах местные этноязыковые и культурные отличия разных восточнославян-

ских племенных групп не были нивелированы. Они оставались и, по-видимому, более остальных повлекли распад Киевского государства, которое фактически было империей Рюриковичей»¹⁰⁴. По мнению же Г. Пивторака, «есть основания считать, что уже на конец XII в. украинская народность в том понимании, к которому мы привыкли еще со школьной скамьи, в основном сформировалась и имела два ответвления: галицко-волынское (оно сохранило за собой традиционное название Русь) и Поднепровье, для которого с конца XII в. появляется название Украина»¹⁰⁵.

Проблема этнического развития Киевской Руси, как не трудно в этом убедиться, в первую очередь лежит в плоскости интерпретации взаимосвязи этнической и политической. Поэтому следует согласиться с С. Макаруком, что «нельзя пренебрегать ролью государства в этническом развитии народа, но нельзя и абсолютизировать, как это делала плеяда российских академиков и донныне кое-кто продолжает в Украине». Ведь этническое развитие сообществ происходит по собственным автономным нормам и закономерностям, которые историки и этнологи до сих пор детально не выяснили¹⁰⁶. Поэтому, анализируя «русскую историческую общность людей X–XIII вв.», указанный этнолог пытается в первую очередь выяснить: «формировался ли весь восточнославянский суперэтнос к X в. на основе одних и тех же предыдущих этнических субстратов?»¹⁰⁷

С. Макарук пришел к следующему выводу: «В этническом смысле славянский суперэтнос на восточноевропейском пространстве не только в условиях русской государственности IX–XIII вв., но и еще до ее появления состоял из трех выразительно отличных между собой этнокультурных общностей, — назовем их праукраинской, прарусской и прабелорусской... Придерживаясь точки зрения, что в составе Киевской Руси (как государства) славянский суперэтнос от самого начала государственности уже был дифференцирован этнически на праукраинский, прабелорусский и прарусский этносы, нужно признать: в составе одного государства эти три этноса на протяжении IX — первой половины XIII вв. испытали влияние конвергентных процессов, которые при определенных объективных обстоятельствах могли бы способствовать не только политической, но и этнокультурной консолидации Руси»¹⁰⁸.

Отдельного внимания заслуживает анализ концепции этнического развития восточных славян периода Киевской Руси, которую последние два десятилетия разрабатывает украинский археолог Л. Зализняк. Он также исходит из того положения, что относительное государственное единство Руси не может быть аргументом в пользу единства этнического. Значительные сомнения у ученого вызывает и утверждение о едином этническом сознании населения Киевской Руси¹⁰⁹. Предлагая собственную версию этногенеза украинцев, которая «базируется на признанной современной этнологией универсальной схеме происхождения народов» (эвристическая проблемность этой категории уже обсуждалась нами выше), исследователь пытается ответить на вопрос: существовал ли украинский этнос в Киевской Руси? «По моему мнению, — утверждает Л. Зализняк, — жители княжеских Киева, Переяслава, Чернигова, Галича были в той же мере украинцами, как и тогдашние жители Гнезно, Парижа и Лондона были, соответственно, поляками, французами и англичанами»¹¹⁰.

Кроме этого, ученый предлагает рассматривать Киевскую Русь как «украинскую империю», которая поспособствовала появлению новых восточнославянских этносов в результате своеобразной политики «русификации»: «Как древний Рим романизировал свою варварскую периферию, так княжеский праукраинский Киев русифицировал (от Русь, а не Россия) лесной север Восточной Европы». В результате же «колониционных усилий праукраинского княжеского Киева на далекой северной периферии империи сформировались молодые этносы белорусов, псково-новгородцев, россиян». И хотя «украинский этнос потерял созданную им империю», все же он продолжил свое существование в безгосударственном состоянии на своей этнической территории¹¹¹. Учитывая это, констатирует Л. Зализняк, «начинать историю россиян от основания княжеского Киева такая же бессмыслица, как начинать историю румынов или французов с основания Лондона, а мексиканскую — с возникновения Мадрида»¹¹².

Невзирая на достаточно радикализованный характер этой концепции, она, на наш взгляд, содержит и рациональные постулаты. В частности относительно отдельности этно- и державо-генезиса восточных славян в домонгольский период. С другой

стороны, достаточно дискуссионным является тезис о сугубо украинской этносоциальной сущности Киевской Руси, которая породила другие восточнославянские этносы. Поскольку, руководствуясь такой логикой, этногенез украинцев имеет отдельные от остальных восточных славян, а к тому же еще и более древние корни. Еще одним важным тезисом предлагаемого подхода является собственно отрицание существования древнерусской народности как отдельного восточнославянского этнического сообщества периода Киевской Руси.

Следует признать, что именно концепт «древнерусская народность» в современной украинской историографии является одним из самых дискуссионных и наиболее артикулированным, а, следовательно, и наиболее остро критикуемым исследователями этнической истории восточных славян. Стоит также отметить, что в российской и белорусской историографиях обозначенной проблемы дискуссии по этому поводу почти отсутствуют, а собственно концепция древнерусской народности фактически априорно поддерживается большинством историков (в Беларуси она и дальше остается по существу «официальной», хотя многие исследователи пытаются ее все же опровергнуть).

В пределах украинской исторической мысли сегодня наибольшим сторонником существования древнерусской народности остается П. Толочко. По мнению последнего, «в IX — начале XII вв., на основе полтора десятка восточнославянских племенных объединений сложилась относительно единая древнерусская этническая общность, главным условием консолидации которой была Киевская Русь»¹¹³. Причем специалист, как мы уже это заметили, делает акцент на политическом приоритете в формировании этого явления: «Со времени введения в историческую литературу термина „древнерусская народность“ исследователи не сомневались, что явление, им обозначенное, появилось в значительной степени благодаря объединительным действиям государства»¹¹⁴.

П. Толочко категорически утверждает: «Все же вывод советской историографии относительно определяющей роли государства в складывании древнерусской народности не может быть обжалован. По существу, это взаимообусловленные исторические явления. Сначала этнос с названием „Русь“ создал государ-

ство, а потом это государство способствовало консолидации всех восточных славян и распространению на всех них общего имени „Русь”»¹¹⁵. Формирование этнокультурной и этнополитической общности народа Руси, согласно утверждения историка, прежде всего, подтверждают именно летописные термины «Русь» и «Русская земля»¹¹⁶. Более того он убежден, что уже «для Иллариона, Нестора, Никона, других древнерусских летописцев Киевская Русь была не просто совокупностью земель, а единым государственно-территориальным и этническим целым»¹¹⁷.

Вместе с тем П. Толочко не соглашается с современной критикой концепции древнерусской народности, особенно в украинской историографии, где «концепция единой древнерусской народности, как „колыбели трех братских восточнославянских народов” объявляется творением официальной советской исторической науки и на этом основании отбрасывается»¹¹⁸. При этом, с точки зрения ученого, «никакие другие аргументы относительно несостоятельности концепции общности происхождения восточнославянских народов не приводятся», что не должно удивлять, ведь «в большинстве случаев из-за этой проблемы волновались люди, которые никогда профессионально ее не исследовали, а следовательно, не владеют ни источниковой базой, ни историографическим достоянием предыдущих поколений историков»¹¹⁹. В свою очередь, мы не можем согласиться с тем, что отмеченная концепция критикуется и отбрасывается современными исследователями лишь из-за ее «советской прописки», а также с тем, что представители «лагеря критики» являются любителями или дилетантами, которые, согласно П. Толочко, «просто плохо знают труды предшественников»¹²⁰.

Не воспринимая, таким образом, никакой критики концепции древнерусской народности, историк тем не менее и сам излагает определенные сомнения, по крайней мере, в ее понятийном наполнении: «Исследователи, которые еще вчера спокойно пользовались словосочетанием „древнерусская народность”, — замечает П. Толочко, — вдруг усомнились в его исторической корректности. Более совестливые начали смягчать свою позицию разными оговорками. Конечно, этническая общность была, но, во-первых, не абсолютная, а во-вторых, не на всем огромном пространстве

восточнославянского мира. Среди „оговаривавшихся” был и автор этих строк, которому показалось, что термин „этнокультурная” или „этнополитическая” общность больше отвечает консолидационному положению древнерусского общества. По существу это то же, что и народность, но менее жестко терминологически¹²¹. Не трудно при этом заметить, что в результате подобных «оговорок» этническая общность была и не была; была, но не везде; а к тому же и не этническая, а этнокультурная или этнополитическая. Следовательно, концепция древнерусской народности также нуждается в первую очередь в существенном теоретическом переосмыслении и, в частности, лишения статуса ее безапелляционного восприятия / не восприятия, к тому же средствами совести или через призму историографической целесообразности.

Не воспринимает предлагаемую позицию в этом вопросе и современный украинский этнолог С. Макарчук: «Академик П. Толочко, — отмечает он, — издал книгу „Древнерусская народность”, в которой попробовал несколько сгладить агрессивную претенциозность российской историографии на древнерусское историческое и культурное наследие и попробовал внедрить для определения той „народности” прилагательное „русская”, „русский” с одним „с”... Но в конце концов, из благого намерения украинского академика вышел пшик. Петербургское издательство дало название книге не „Древнерусская народность”, а „Древнерусская народность”¹²². Однако, С. Макарчук не ограничивается лишь упреками «полиграфическо-редакторского» недоразумения, но и указывает на другие существенные проблемы теоретически-методологического характера относительно интерпретации концепции древнерусской народности.

Ученый в то же время предлагает выяснить, насколько удачным и обоснованным вообще может быть в этом случае употребление самого термина «народность». Поскольку он свойственен для всех восточнославянских языков, то в советское время употреблялся для определения национальной принадлежности людей, то есть имел семантическое содержание слова «национальность», как в современном польском языке «narodowość». Выходит, однако, — продолжает С. Макарчук, — что во второй половине XX в., когда наука начала широко пользоваться категориями «этнос»,

«этникос», «субэтнос», «суперэтнос» и другими, термин «народность» историографически оказался менее удачным и содержательно менее четким¹²³.

Выше мы уже отмечали, что этот львовский этнолог придерживается точки зрения, согласно которой, еще до появления Киевской Руси восточнославянский суперэтнос имел признаки этнической дифференциации. Поэтому, по мнению С. Макаруча, «не правы те авторы, которые утверждают, что украинский, русский, белорусский народы выделены из состава „древнерусской народности“, в связи с политическими событиями XIII в. (В. Пичета, В. Мавродин, Б. Рыбаков, П. Толочко и др.)». Даже если допустить такой сценарий этнического развития восточных славян, «тогда трудно было бы объяснить, почему другие политические катаклизмы и более ранних, и последующих веков не создали на украинской земле этносов пророссийского, пролитовского, пропольского, проавстрийского, провенгерского, прорумынского, протурецкого или другого родства»¹²⁴.

Не поддерживают объективности существования древнерусской народности и другие современные украинские историки. Например, В. Баран, который (как мы уже видели выше) также не поддерживает взгляд о тождественности этнического и государственно-политического развития Киевской Руси. Он убежден, что относительное политическое единство в древнерусский период не нивелировало этническую специфику разных сегментов ее населения, и этот факт «прекрасно понимают сторонники концепции всеохватывающего этнического единства». Именно поэтому, по мнению археолога, «они прибегают к созданию мифических славянских русов, которые якобы поглотили все другие восточнославянские племена». Ведь, «если к приходу норманнских князей из династии Рюриковичей не существовало славянских русов, ни русской земли, а это неоспоримый факт, то никогда не существовало в догосударственный период и славянского этноязыкового единства, а в период Киевского государства — и древнерусской народности»¹²⁵. В конечном итоге, ученый предлагает такой вывод: «Киевские князья создали государство имперского типа, но не создали и не пытались создать единую древнерусскую народность. Ее выдумали историки»¹²⁶.

В свою очередь А. Толочко утверждает, что «концепции древнерусской народности существенно вредит распространенная в литературе этнизация этого понятия, то есть понимание ее как реального „народа“, обязательно скрепленного единством биологического происхождения, лингвистически и культурно однородного». То есть, древнерусская народность понимается как еще одно летописное «племя», только разросшееся до пределов всей Руси¹²⁷. Осознавая, что эту проблему нельзя преодолеть «без методологических инноваций», исследователь предложил применить теорию так называемых «воображаемых сообществ» («imagined communities») Б. Андерсона, в контексте «антропологического понимания» древнерусской народности.

Эта идея пока что не получила глубокого анализа, но против нее выступил в частности Л. Зализняк, по мнению которого, «экстраполировать модель Б. Андерсона на этнические процессы X — XII вв. не совсем корректно». По крайней мере, «для этого необходима существенная ее адаптация к специфике европейского средневековья»¹²⁸. В целом же необходимо отметить, что именно Л. Зализняк в современной украинской историографии этнической истории восточных славян является самым пылким оппонентом теории существования древнерусской народности, считая, что «в наше время идеологические реликты советских времен, наподобие древнерусской народности, стоят на пути объективного решения проблемы украиногенезиса»¹²⁹.

Одним из главных недостатков этой концепции он считает тот факт, что по существу она является своеобразным «политическим инструментом» в отношениях Украины и России. По этому поводу Л. Зализняк высказывается достаточно эмоционально: «Не секрет, что многие в Украине смотрят на ее прошлое, нынешнее и будущее глазами Москвы и Петербурга. Поэтому ключевые моменты украинской истории являются полем перманентной борьбы украинцев с оппонентами... К числу ключевых принадлежит и проблема древнерусской народности, лежащей гнилой колодой поперек украинской истории, укорачивая ее вдвое, отбирая у украинцев право на культурно-историческое наследство княжеского Киева в пользу „Великой России“. Поэтому вся критика этого краеугольного камня „Великорусской истории“ вызывает сопро-

тивление многочисленных приверженцев белокаменной»¹³⁰. Называя древнерусскую народность «модификацией имперского мифа о колыбели трех братских народов», Л. Зализняк утверждает также, что она призвана «фальсифицировать реальную историческую картину с очевидной целью создания идеологической почвы для реанимации империи»¹³¹.

В пользу политической ангажированности концепции древнерусской народности, с точки зрения Л. Зализняка, свидетельствует и тот факт, что она по существу стала основой одиозных Тезисов ЦК КПСС «О праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией», опубликованных в 1954 г. Несмотря на то, что до того эта концепция критиковалась ведущими русскими учеными, а в существовании древнерусской народности усомнился даже сам ее автор (В. Мавродин), она все равно легла в основу официальной советской концепции этнической истории восточных славян. Причем проблема была переведена в политическое русло и любые научные дискуссии или сомнения относительно древнерусской народности стали невозможными¹³².

Прозрачная же неоимперская сущность этой официальной советской концепции обеспечила ее популярность в советской и живучесть в постсоветской историографиях. Именно поэтому на таких позициях и поныне стоит большинство российских медиевистов¹³³. Несколько иную ситуацию исследователь фиксирует в современной украинской историографии. По его мнению, в частности сборник «Ruthenica» (Киев, 2002) засвидетельствовал «существенную трансформацию взглядов среднего поколения академических историков и археологов на „священную корову“ советской медиевистики — древнерусскую народность»¹³⁴.

Не ставя под сомнение обстоятельность аргументов относительно опровержения сущности положений концепции древнерусской народности, которые приводит Л. Зализняк, в свою очередь Н. Юсова не соглашается с его представлениями об историографическом процессе вокруг этой научной конструкции¹³⁵. В целом дискуссия этих двух историков вокруг отмеченного концепта была одной из самых заметных в прошлом десятилетии в современной украинской историографии этнической истории восточных славян. В итоге Л. Зализняк даже предложил в опре-

деленной степени украиноцентрический подход к древнерусской народности: «Я соглашаюсь с призывом Н. Юсовой конструктивно обновить наработку поколения сталинских этнологов и предлагаю переименовать древнерусскую народность в древнеукраинскую... В отличие от основателей и сторонников древнерусской народности, которая видела в ней то отдельный восточнославянский этнос, то первую фазу развития великороссов, под древнеукраинской народностью я имею в виду не отдельный этнос, а древнерусский этап развития украинцев, которому предшествовала племенная фаза украиногенезиса»¹³⁶.

Не соглашаясь с Л. Зализняком, что концепция древнерусской народности имела в первую очередь идеологическую, а не научную конструкцию, Н. Юсова, в конечном итоге, и сама приходит к заключению, что этот конструкт предопределялся во многом «партийно-государственными решениями в отрасли исторического образования и науки». Ведь именно в идеологических условиях еще довоенного периода были выдвинуты «положения о Киевской Руси как общем периоде истории восточнославянских народов». Причем это «новое видение Киевской Руси как „общерусского” государства в конце 1930-х гг. было официально признано и внедрялось в сферу исторической науки и образования в СССР. Эта советская концепция, — подчеркивает Н. Юсова, — создала основную идейно-научную почву для возникновения учения об общем предке современных восточнославянских народов — древнерусской народности»¹³⁷.

В свою очередь Л. Зализняк, не соглашаясь с упреками в свой адрес относительно чрезмерной патриотичности его взглядов, заметил: «[Моя] Концепция опирается на огромную источниковую базу и многочисленные научные аргументы... По-видимому, стоит обсуждать не степень патриотизма научных конструкций, а конкретные научные положения, на которых она построена... Концепции не разделяются на конъюнктурные, политизированные, патриотические, непрофессиональные или профессиональные, устаревшие и современные, а на научные и ненаучные»¹³⁸. С последним высказыванием трудно не согласиться, а следовательно, придется надеяться на дальнейший рост научного конструктивизма, в том числе и относительно исследований этнической истории восточных славян, в частности и в сфере украиногенезиса.

Подытоживая анализ основных тенденций в современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода, стоит отметить, что, невзирая на теоретически-методологический плюрализм, который появился в научной среде с начала 1990-х гг., проблема этногенеза и украинцев, и других восточнославянских сообществ так и не приобрела более-менее завершенного концептуального оформления. С другой стороны, это позволяет поддерживать существование советских этноисториографических стереотипов отмеченной проблематики, хотя та же концепция «единой древнерусской народности» испытывает сегодня на себе достаточно конструктивную критику.

Нельзя не отметить и расширение исследовательских практик относительно восточнославянского этногенеза и как следствие — появление разных альтернативных его версий. Правда, большинство из них нуждаются в существенном усовершенствовании, углублении и, в первую очередь, основательной теоретически-методологической оснастке, причем не только в историческом, но и в этнологическом контекстах. Последнее, по нашему убеждению, является наибольшим изъяном современных этноисторических изучений восточнославянского прошлого. Надеемся, что более плодотворным в будущем станет и научный диалог в обозначенной сфере между учеными нынешних восточнославянских историографических традиций, что, несомненно, значительно продвинет анализировавшуюся выше проблему. Ведь, осознание наших реальных этнических истоков во многом может предопределить в будущем исторические судьбы всего восточного славянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Касьянов Г. Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір // Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (Матеріали Міжнародної конференції, Київ, 15–16 грудня 2005 р.). Київ, 2008. С. 15.

² Ричка В. Київ-руська проблематика в українській історіографії останнього десятиліття // Україна–Росія: діалог історіографій. Київ, Чернігів, 2007. С. 33.

³ Етнічні процеси у середньовічному слов'янському світі (Матеріали «круглого столу») // Український історичний журнал (далее — УІЖ). 2001. № 3. С. 3.

⁴ Бондаренко Н.С. Славянский этногенез и становление украинского народа (историографический анализ). Киев, 2007.

⁵ Юсова Н.М. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. С. 5.

- ⁶ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 212.
- ⁷ Там же. С. 5.
- ⁸ Україна-Росія: діалог історіографій / Редкол.: В.Ф. Верстюк та ін. К.; Чернівці, 2007. С. 40.
- ⁹ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь // Україна кризь віки. Т. 4. Київ, 1998. С. 288.
- ¹⁰ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 322–323.
- ¹¹ Смолій В.А., Гуржій О.І. Як і коли почала формуватися українська нація. Київ, 1991.
- ¹² Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 241.
- ¹³ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 293.
- ¹⁴ Моця О.П. Рівні етнічної самосвідомості давньоруського населення // УДЖ. 2006. № 2. С. 5.
- ¹⁵ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 12.
- ¹⁶ Макарчук С.А. Етнічна історія України. Київ, 2008. С. 461.
- ¹⁷ Павленко Ю. Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті // Ruthenica. Київ, 2002. Вип. 1. С. 10.
- ¹⁸ Козак Д.Н. Венеди. Київ, 2008. С. 11.
- ¹⁹ Залізник Л.Л. Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? // Магістеріум. Київ, 2003. Вип. 11. С. 83.
- ²⁰ Там же. С. 84.
- ²¹ Залізник Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців // Магістеріум. Київ, 2011. Вип. 45. С. 7.
- ²² Залізник Л.Л. Походження українців. У лещатах імперських міфів // Магістеріум. Київ, 2005. Вип. 20. С. 97, 98.
- ²³ Шнирельман В. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 302–303.
- ²⁴ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 7.
- ²⁵ Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (Матеріали Міжнародної конференції, Київ, 15–16 грудня 2005 р.) / Упор. і наук. ред. Г. Касьянов. Київ, 2008. С. 25.
- ²⁶ Касьянов Г. Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір. С. 15.
- ²⁷ Толочко П.П. До проблеми етнічної історії Київської Русі // УДЖ. 2001. № 3 С. 14.
- ²⁸ Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. Київ, 2005. С. 5.
- ²⁹ Ричка В. Указ. соч. С. 22.
- ³⁰ Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації. С. 29.
- ³¹ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 223.
- ³² Склярєнко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006. С. 113.
- ³³ Павленко Ю.В. Передісторія давніх Русів у світовому контексті. Київ, 1994. С. 319–320, 366, 368 и др.
- ³⁴ Там же. С. 359.
- ³⁵ Макарчук С.А. Указ. соч. С. 96.
- ³⁶ Моця О. З «міфів народів світу»: про час появи східнослов'янських націй // Ruthenica. К., 2002. Вип. 1. С. 64.
- ³⁷ Баран В.Д. Давні слов'яни // Україна кризь віки. Т. 3. Київ, 1998. С. 14.
- ³⁸ Ричка В. Указ. соч. С. 32–33.
- ³⁹ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 250–251.
- ⁴⁰ Там же. С. 244.
- ⁴¹ Етнічна історія Давньої України: Колективна монографія / П.П. Толочко, Д.Н. Козак, О.П. Моця та ін. Київ, 2000.

- ⁴² Павленко Ю. На шляху до створення наукової концепції походження українського народу: Етнічна історія Давньої України. — К., 2000 // Український гуманітарний огляд. Київ, 2001. Вип. 6. С. 25.
- ⁴³ Павленко Ю. Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті. С. 9.
- ⁴⁴ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 261–262.
- ⁴⁵ Павленко Ю. Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті. С. 10–11.
- ⁴⁶ Юсова Н.М. Указ. соч.
- ⁴⁷ Попова Т. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Историографічні дослідження в Україні. Київ, 2008. Вип. 19. С. 63.
- ⁴⁸ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 300.
- ⁴⁹ Ричка В. Указ. соч. С. 32.
- ⁵⁰ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 288.
- ⁵¹ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 20.
- ⁵² Там же. С. 23.
- ⁵³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983 С. 286–287; *Ивангородський К.В.* Теоретична інтерпретація і типологізація етносоціальних організмів // Матеріали до української етнології: Зб. наук. пр. / За ред. Г. Скрипник. Вип. 8 (11). Київ, 2009.
- ⁵⁴ *Видейко М.Ю.* Украина: от Антов до Руси. Київ, 2009. С. 33.
- ⁵⁵ *Моця О.П.* Дві імперії — два етноси? // УІЖ. 2001. № 3. С. 23.
- ⁵⁶ *Моця О.* З «міфів народів світу»: про час появи східнослов'янських націй. С. 67.
- ⁵⁷ *Залізняк Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 9.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Залізняк Л.Л.* Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології // Магістеріум. — Київ, 2001. Вип. 6. С. 49.
- ⁶⁰ *Залізняк Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 6.
- ⁶¹ *Седов В.В.* Славяне в древности и раннем средневековье. Т. 2: Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 107.
- ⁶² *Залізняк Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 9.
- ⁶³ *Півторак Г.П.* Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов (Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної колиски»). Київ, 2001 С. 45.
- ⁶⁴ Там же. С. 58.
- ⁶⁵ Там же. С. 58–59.
- ⁶⁶ *Видейко М.Ю.* Указ. соч. С. 185.
- ⁶⁷ *Козак Д.Н.* Венеди. С. 11.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Тертиловський Р.* Біля витоків слов'янства (за матеріалами Подніпров'я) // Ruthenica. Київ, 2002. Вип. 1. С. 25.
- ⁷⁰ *Денисов Ю.Н.* Славяне: от Эльбы до Волги. М., 2009. С. 4.
- ⁷¹ *Седов В.* Освоєння слов'янами лісових земель Східної Європи // Етногенез та рання історія слов'ян: Нові наукові концепції на зламі тисячоліть: Матеріали міжнародної конференції. Львів, 2001. С. 21–33.
- ⁷² *Макарчук С.А.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁷³ *Видейко М.Ю.* Указ. соч. С. 5, 38.
- ⁷⁴ Там же. С. 36–37.
- ⁷⁵ *Тертиловський Р.* Указ. соч. 39–40.
- ⁷⁶ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 12.
- ⁷⁷ *Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витoki українського народу. С. 7.
- ⁷⁸ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 14.

- ⁷⁹ Козак Д.Н. Основні напрями етногенетичного розвитку племен України в I тис. н. е. (проблема етногенезу слов'ян) // УІЖ. 2001. № 3 С. 13.
- ⁸⁰ Там же. С. 13–14.
- ⁸¹ Залізняк Л.Л. Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 50; Залізняк Л. Етногенез українців, білорусів та росіян // Пам'ять століть. 1997. № 4. С. 9–13.
- ⁸² Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 195.
- ⁸³ Козак Д.Н. Венеди. С. 7.
- ⁸⁴ Там же. С. 217.
- ⁸⁵ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 35.
- ⁸⁶ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 77.
- ⁸⁷ Сеґеда С.П. Етногенетичні процеси на території Русі-України за даними антропології // УІЖ. 2001. № 3. С. 89.
- ⁸⁸ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 33.
- ⁸⁹ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 26.
- ⁹⁰ Толочко А.П. Воображенная народность // УІЖ. 2001. № 3. С. 29.
- ⁹¹ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 23.
- ⁹² Макарчук С.А. Указ. соч. С. 459.
- ⁹³ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 31, 214, 217.
- ⁹⁴ Там же. С. 247.
- ⁹⁵ Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 8.
- ⁹⁶ Терпиловський Р. Указ. соч. С. 39.
- ⁹⁷ Видейко М.Ю. Указ. соч. С. 38.
- ⁹⁸ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 288.
- ⁹⁹ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 11.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 60.
- ¹⁰¹ Там же. С. 66.
- ¹⁰² Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 193.
- ¹⁰³ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 248.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁰⁵ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁰⁶ Макарчук С.А. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 99.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 104, 107.
- ¹⁰⁹ Залізняк Л.Л. Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 86–87.
- ¹¹⁰ Залізняк Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 11.
- ¹¹¹ Залізняк Л.Л. Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 50.
- ¹¹² Залізняк Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 12.
- ¹¹³ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 294.
- ¹¹⁴ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 23.
- ¹¹⁵ Там же. С. 24.
- ¹¹⁶ Толочко П.П. До проблеми етнічної історії Київської Русі. С. 15.
- ¹¹⁷ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 312.
- ¹¹⁸ Там же. С. 295.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 31.
- ¹²¹ Там же. С. 13.

- ¹²² *Макарчук С.А.* Указ. соч. С. 97–98.
- ¹²³ Там же. С. 99.
- ¹²⁴ Там же. С. 111.
- ¹²⁵ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 250.
- ¹²⁶ *Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витоки українського народу. С. 7–8.
- ¹²⁷ *Толочко А.П.* Воображенная народность. С. 115.
- ¹²⁸ *Залізняк Л.Л.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 90.
- ¹²⁹ *Залізняк Л.Л.* Древнерусская чи давньоукраїнська народність? // Магістеріум. Київ, 2009. Вип. 36. С. 70.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ *Залізняк Л.Л.* Походження українців. У лещатах імперських міфів. С. 99.
- ¹³² *Залізняк Л.Л.* Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 53.
- ¹³³ Там же. С. 51.
- ¹³⁴ *Залізняк Л.Л.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 82.
- ¹³⁵ *Юсова Н.М.* Указ. соч. С. 30.
- ¹³⁶ *Залізняк Л.Л.* Древнерусская чи давньоукраїнська народність? С. 72, 74.
- ¹³⁷ *Юсова Н.М.* Указ. соч. С. 363–364, 386.
- ¹³⁸ *Залізняк Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 11.

